

Панин Евгений Валерьевич

старший преподаватель кафедры
истории и политологии
Московского государственного
технического университета «МАМИ»
тел.: (926) 655-47-23

**МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ
ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСТВА
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ
И НАЦИОНАЛЬНЫХ
КОММУНИСТИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1920–1930-Е ГГ.)**

Аннотация:

В статье исследуется положение студенчества интернациональных коммунистических университетов в 1920–1930-е гг. Рассматриваются вопросы их материального обеспечения, бытовых условий, забота руководства вузов об их здоровье. Особо подчеркивается, что государство стремилось в максимальной степени удовлетворить потребности студентов. Отмечается, что в целом студенты были обеспечены всем необходимым для учебной деятельности и общественной активности. В статье используются архивные документы, ранее не вводившиеся в научный оборот.

Ключевые слова:

высшее учебное заведение, коммунистический университет для национальных меньшинств, студенчество, стипендия, общежитие.

Panin Evgeniy Valereyevich

Senior Lecturer of History
and Political Science Department,
Moscow State Technical University
tel.: (926) 655-47-23

**FINANCIAL AND LIVING CONDITIONS OF
STUDENT COMMUNITY OF
INTERNATIONAL
AND NATIONAL
COMMUNISTIC UNIVERSITIES
IN THE SOVIET UNION IN 1920–1930**

The summary:

The article reviews the students' status in the international communistic universities of 1920-1930's, the issues of financial support, living conditions, as well as universities management's care about their health. On the basis of analyzed archival documents which haven't been earlier introduced into scientific use the author emphasizes that the government was focused on satisfying students' needs, and in general the students were well provided with everything required for educational process and social activity.

Keywords:

higher educational institute, communistic university for ethnic groups, student community, scholarship, dormitory.

Одними из первых шагов советского правительства в области образования было реформирование высшей школы. Изменялись программы, методы обучения, большинство старых педагогических кадров либо уехало из страны, либо было отстранено от преподавания. Наряду с классическими вузами создавались принципиально новые учебные заведения. Поскольку большевистское правительство уделяло огромное внимание решению национального вопроса внутри страны, а также с целью оказания поддержки революционному движению в других государствах, были открыты высшие учебные заведения для национальных меньшинств. В них принимались как представители различных национальностей, проживавших в Советской России, так и выходцы из других стран. Среди подобных вузов стоит выделить Коммунистический Университет Трудящихся Востока имени И.В. Сталина (КУТВ, 1921–1938 г.), Коммунистический Университет Трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (КУТК, 1925–1930 г.), Коммунистический Университет Национальных Меньшинств Запада имени Ю.Ю. Мархлевского (КУНМЗ, 1921–1936 г.) – особые типы учебных заведений, которые готовили преимущественно политических работников для национальных окраин РСФСР – СССР и революционеров для зарубежных стран, и обучение в которых велось на национальных языках студентов. В разные годы в них обучалось в среднем 1 000–1 500 человек.

Первые послереволюционные годы, на которые приходится становление первых национальных и интернациональных вузов, были тяжелыми для всех слоев населения Советской России. Мировая война, революция, затем Гражданская война – все это, безусловно, привело к острейшему социально-экономическому кризису, который советское государство преодолевало с большими трудностями. Поэтому создание принципиально новой системы образования, в том числе национального высшего образования, происходило в условиях постоянной нехватки денег и жесткой экономии средств. В то же время стоит отметить, что власть все же сумела в той сложной ситуации изыскать ресурсы для открытия новых вузов, а также для материальной поддержки студентов.

Очевидно, что в наиболее тяжелом материальном положении оказывались слушатели, приехавшие из других городов и, как правило, не имевшие связей и денег. Как отмечала в сво-

ем отчете за 1924 г. ректор КУНМЗ М.Я. Фрумкина, «среди студентов насчитывается 908 ч., то есть 75 % <от общего состава> не имеющих никакой связи с родными» [1, л. 42].

Во многом это было связано с тем, что студенты прибывали из отдаленных частей страны, а также из-за границы. В КУТВ обучались представители более 100 национальностей, в КУНМЗ – до 24 (граждане СССР и зарубежных государств Востока и Запада). Расходы на проезд студентов, в том числе и из других стран, брал на себя либо сам университет, либо Коминтерн. Так, студенты КУТВ, помимо СССР, набирались из следующих стран: Китая, Японии, Монголии, Кореи, Индии, Турции, Персии, Египта, Французского североафриканского побережья, Голландской Индии (Ява и др.), Филиппин. В разные годы они составляли от 10 % до 25 % студенчества университета. Общая сумма транспортных расходов на иностранцев в 1924 г. составила 47 тысяч золотых рублей, из которых «проезд до границы СССР должен обойтись приблизительно в 34 000 золотых рублей, проезд же по территории СССР – в 13 000 золотых рублей» [2, л. 3].

С конца 1920-х гг. транспортные расходы иностранных студентов КУНМЗ для проезда в Москву и обратно стали нести соответствующие компартии (за исключением случаев, когда университетам выделялись специальные средства на конкретных студентов). Для КУТВ и КУТК принцип остался прежним: содержание и транспортные расходы иностранных студентов с момента отправки и до прибытия обратно в свои страны производилось за счет вузов. «Что касается КУНЗа, содержание его студентов оплачивается им только с момента прибытия в Университет до отъезда, но не более 2-х месяцев по окончании Университета» [3, л. 48].

Наибольшую сложность при переезде в Москву испытывали китайские студенты КУТК и КУТВ. Их отбор проводился в Китае в три этапа. Первый включал заполнение регистрационной карточки с указанием основных биографических данных, происхождения, социального положения и т.д. Второй этап предусматривал написание сочинения на тему «Что такое национальная революция?». И третий этап – устное собеседование о текущих политических событиях. Из этого очевидно, что никакой специальной подготовки для обучения китайских студентов в Москве не требовалось. В связи с тем, что в Китае шла гражданская война, им приходилось делать большой крюк: в Москву они ехали через Владивосток, а дорога по советской территории (зачастую в неотапливаемых вагонах) занимала более 10 суток [4, с. 47].

Прибывшие студенты обеспечивались жильем, ставились на постоянное денежное и продуктовое довольствие, снабжались постельными принадлежностями, одеждой, книгами и тетрадями [5, л. 5(об.)] (причем это было характерно и для КУТВ, и для КУНМЗ).

Тем не менее, конечно, условия жизни студентов были довольно сложными. Руководители университетов на всех совещаниях добивались увеличения ассигнований на различные нужды, жаловались на неудовлетворительное материальное обеспечение и плохие бытовые условия. В 1923 г. ректор КУНМЗ Ю.Ю. Мархлевский на совещании представителей коммунистических университетов жаловался на нехватку помещений и выделяемых средств, в 1924 г. на таком же совещании М.Я. Фрумкина, сменившая Мархлевского, приводела конкретные цифры: «Материальное положение КУНЗа в течение текущего года непрерывно ухудшается. В прошлом уч. году на операционные расходы отпускалось 29 р. 75 к. на каждого студента в месяц, а в текущем уч. году – 24 р. 80 коп. (включая сюда и питание)» [6, л. 42].

В отчете КУТВ за 1922–1923 учебный год также говорится о сложном финансовом положении как всего университета, так и его студентов.

И государство, и руководство самих вузов прилагали максимум усилий для облегчения положения студенчества. Если не материальными способами, то усиленным питанием. В качестве подтверждения этого тезиса приведем еженедельное меню членов учебной коммуны КУНМЗ в Новых Ельцах (утверждено 7 мая 1925 г.) «1. Завтрак – чай, хлеб с творогом; Обед – борщ и котлеты с картофелем; 4 ч. – 1 кружка молока и хлеб; ужин – гречневая каша с молоком и одно яйцо. 2. Завтрак – кофе с молоком и хлеб с маслом; Обед – картофельный суп мясной и баранина с рисом; 4 ч. – кружка молока с хлебом; ужин – яичница, картофель жареный и чай» [7, л. 7].

В целях экономии средств студентам запретили привозить в Москву свои семьи. Перед поступлением в университет будущий студент давал расписку: «Сим удостоверяю, что правила приема в КУНМЗ мне известны, в частности то, что Университет не берет на себя никаких обязательств по отношению к семьям студентов и студентов с семьями не принимает. Обязуюсь не переводить в Москву свою семью без разрешения Правления Ун-та и не поступать ни на какую работу в Москве без разрешения Правления Ун-та и студорганов» [8, л. 34].

В то же время практиковались существенные льготы для семей советских студентов, обучавшихся в коммунистических университетах. Согласно постановлению СНК 1928 г., «в целях предоставления старшим возрастным группам рабочих и крестьян, обремененных семьями, возможности поступления в партийно-советские школы и коммунистические университеты и создания спокойной обстановки для продуктивных занятий», их семьям предоставлялись льго-

ты по уплате единого сельскохозяйственного налога, право бесплатного и приоритетного приема в ясли, школы, больницы [9, л. 46].

На 1927–1928 учебный год нормы довольствия на одного студента КУНМЗ составляли:

«Питание.....19 руб. в месс.

Стипендия.....10 руб. в мес.

Вещевое довольствие, постельные принадлежности.....53 руб. в год» [10, л. 47 (об.)].

Для сравнения – средняя зарплата по стране в 1927 г. составляла 63 рубля в месяц.

В смете расходов коммунистических университетов материальное обеспечение студентов было одной из главных статей. Расходы только на стипендию составляли более 37 % университетского бюджета. К статьям расходов на студентов следует также добавить и учебные расходы и новое строительство (общежитий, домов отдыха, санаториев). Таким образом, средства, выделяемые на содержание студентов, составляли более 50 % бюджета всего университета.

Материальное обеспечение студентов занимало значительное место в расходах коммунистических университетов во все годы их существования. В сводной смете КУТВ за 1936 г. имеются следующие статьи расходов: 1) зарплата; 2) административно-хозяйственные расходы; 3) новое строительство и капитальный ремонт; 4) приобретение инвентаря и оборудования; 5) специальные учебные и научные расходы (производственная практика, экскурсии, культурные и спортивные расходы, комплектование библиотеки, расходы кабинетов и кафедр, прочие учебные расходы); 6) материальное обеспечение учащихся (стипендия студентам по 192 р. (столь существенная разница между стипендией в 1927 и в 1936 гг. связана с инфляцией и высокими темпами денежной эмиссии в СССР в эти годы), аспирантам по 250 р., премиальные 2 %, санаторно-курортное лечение, содержание общежитий, дотации на питание, вещевое довольствие, медпомощь, дотация детсаду, содержание санаториев и дома отдыха, оплата железнодорожного и гужевого проезда и т.д. Таким образом, и здесь мы видим, что наибольшее количество подпунктов относится именно к статье о материальном обеспечении студентов и аспирантов.

Для сравнения – средняя зарплата в СССР в 1936 г. составляла немногим более 200 рублей в месяц. Следовательно, на ту стипендию, которую получали студенты и аспиранты (учитывая, что их также обеспечивали всем самым необходимым), они вполне могли прожить, не испытывая слишком больших трудностей.

Важным аспектом бытовой жизни студенчества являлась забота со стороны государства и руководства вузов об их здоровье. Эти вопросы обсуждались на различных совещаниях, описывались в отчетах, поднимались в периодических изданиях. На каждого студента заводилась медицинская карта, куда заносились сведения обо всех его жалобах. Дважды в год студенты проходили медосмотр, нуждавшихся отправляли в дом отдыха. С 1925–1926 учебного года в качестве обязательного предмета в учебную программу вводилась физкультура. Однако все эти меры не могли справиться с тенденцией ухудшения здоровья среди студентов. Чрезмерная учебная и общественная нагрузка, сложные бытовые условия и летняя практика, лишающая студентов возможности полноценно отдохнуть во время каникул – все это негативно влияло на состояние здоровья студентов. Главной же причиной этого являлась неурегулированность быта: «Студенты живут тесно, в больших комнатах (часто по 10–12 человек); здесь же подчас и курят. В общежитиях шумно. Нет самодисциплины: товарищи зачастую не считаются с желанием другого позаняться или отдохнуть. Такое состояние общежитий во всех комвузах. И вполне понятны наблюдения врача одного из комвузов, что неврастения гораздо чаще наблюдается у живущих в общежитиях, чем у студентов, живущих на частных квартирах» [11, с. 223–224]. Однако большинство студентов не имели возможности снимать квартиры, поэтому проблема с общежитиями была весьма острой. В отчете КУТВ за 1922–1923 учебный год отмечается: «Студенты живут скученно (иногда до 15 человек в одной комнате), не хватает аудиторий» [12, л. 1].

В том же ключе следует рассматривать и беспокойство руководства вузов о нравственном облике студента. Так, заместитель ректора КУНМЗ М.Я. Фрумкина поднимала этот вопрос на заседании партийной ячейки университета 18 декабря 1922 г.: «В настоящее переходное время среди студенчества наблюдается недостаточно серьезное отношение к своей половой жизни. И среди студентов Ком. ун-тов имеются половые отношения, носящие очень часто беспорядочный, случайный характер» [13, л. 28]. Здесь следует заметить, что студенты коммунистических национальных университетов не были исключением из общей тенденции на полную свободу поведения, характерную для первой половины 1920-х гг.

Таким образом, рассмотрев материально-бытовые условия жизни студенчества национальных вузов в 1920–1930-е гг., можно сделать вывод о повышенном внимании государства к этим учебным заведениям. На обеспечение безбедного существования, на создание условий для обучения тратились серьезные средства. Стипендии и иные пособия студентов были сопо-

ставимы с зарплатой в 1920–1930-е гг. Очевидно, что благодаря этому студенты имели возможность посвящать максимум времени учебе, а также заниматься общественной работой.

Ссылки:

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 529. Оп. 1. Д. 10.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 532. Оп. 1. Д. 6.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 529. Оп. 1. Д. 48.
4. Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция: воспоминания. М., 2009.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 532. Оп. 1. Д. 71.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 529. Оп. 1. Д. 10.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 529. Оп. 2. Д. 87.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 529. Оп. 1. Д. 46.
9. Там же.
10. Там же.
11. Маянц А. Еще о здоровье комвузовского студенчества. (Из наблюдения работы КУТВа) // Совпартшколы и комвузы. По материалам журнала «Коммунистическое просвещение». С добавлениями и примечаниями при руководящем участии А.Ф. Рындича. М.:Л., 1926.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 532. Оп. 1. Д. 5.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 529. Оп. 1. Д. 11.

References (transliterated):

1. Russian State Archive of the socio-political history (RGASPI). F. 529. Op. 1. D. 10.
2. Russian State Archive of the socio-political history (RGASPI). F. 532. Op. 1. D. 6.
3. Russian State Archive of the socio-political history (RGASPI). F. 529. Op. 1. D. 48.
4. Shen Yue. Universitet imeni Sun' Yatsena v Moskve i kitaiskaya revolyutsiya: vospominaniya. M., 2009.
5. Russian State Archive of the socio-political history (RGASPI). F. 532. Op. 1. D. 71.
6. Russian State Archive of the socio-political history (RGASPI). F. 529. Op. 1. D. 10.
7. Russian State Archive of the socio-political history (RGASPI). F. 529. Op. 2. D. 87.
8. Russian State Archive of the socio-political history (RGASPI). F. 529. Op. 1. D. 46.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Mayants A. Yeshche o zdorov'e komvuzovskogo studenchestva. (Iz nablyudeniya raboty KUTVa) // Sovpartshkoly i komvuzy. Po materialam zhurnala "Kommunisticheskoe prosveshchenie". S dobavleniyami i primechaniyami pri rukovodyashchem uchastii A.F. Ryndicha. M.;L., 1926.
12. Russian State Archive of the socio-political history (RGASPI). F. 532. Op. 1. D. 5.
13. Russian State Archive of the socio-political history (RGASPI). F. 529. Op. 1. D. 11.